

Ужас перед безвластием

ДМИТРИЙ ФУРМАН: «НИ РАЗУ РУССКИЙ НАРОД НЕ ПРОГОЛОСОВАЛ ЗА ВЛАСТЬ ТОГО, КТО НЕ У ВЛАСТИ»

— Сейчас многие говорят о том, что «антидемократические» процессы, происходящие в нашем обществе, связаны с проблемой легитимности нынешней власти. Что вы думаете по этому поводу?

— Ельцин был избран в альтернативных демократических выборах, в реальной борьбе, на пост президента России в 1991 году. Но хотя тогдашнее его избрание — это эпизод, наиболее близкий во всей российской истории к ротации власти, это все же не была ротация власти. Избрание президента России — и по реальной ситуации того времени, и по тому, как оно воспринималось сознанием избирателей, — было ближе к избранию мэра или губернатора, чем к избранию президента независимого государства. Государством тогда была не Россия, а СССР. Ведь практически никто не мог предполагать, что в том же году Советский Союз исчезнет. Более того, сам Ельцин этого не предполагал даже за несколько дней до Беловежских соглашений. Это документально засвидетельствовано. Решение «распустить» СССР было принято им в последний момент. А дальше уже — все, он стал властью, которая возникла «по факту», а не по народному мандату. Более того — в нарушение такого мандата, ибо был референдум, на котором большинство россиян высказались за сохранение СССР, и не было проведено никакого референдума о независимости России. Ельцин не пошел бы на такой референдум, на перевыборы себя, поскольку боялся проиграть. С его стороны просто была совершена узурпация власти.

А дальше уже вступают в силу механизмы удержания власти, накладывающиеся на отечественное своеобразие, заключающееся в том, что еще никогда в своей истории, ни разу русский народ не проголосовал за власть того, кто не у власти. Перейти к регулярной смене власти народным голосованием, к ротации власти нам, конечно, предстоит. Это норма современного мира. Нечто вроде свидетельства «взрослости», того, что общество может само управлять собой. Не только все европейские страны живут при таких системах, к ним перешли и Индия, и Таиланд, и Тайвань, и Бразилия, вообще — большая часть современного мира. Но я думаю, у нас этот переход произойдет теперь не скоро. Шанс, который был в 1991 году, мы упустили. Как бы провалились на экзамене. Но это значит лишь то, что придется его пересдавать.

В отличие от режимов, возникших на базе некоего консенсуса вокруг каких-то базовых ценностей и идей (а таковыми были все режимы Центральной Европы и балтийских стран, где хотя бы был полный консенсус насчет того, что надо освободиться от России и коммунистов), российская демократическая революция 1991 года (условно назовем ее так) была революцией, в которой пришло к власти очевидное меньшинство, которое захватило власть «явочным порядком». Это меньшинство было очень влиятельным, поскольку было сосредоточено в стратегических центрах и более активно и организовано, чем пассивное большинство.

— Какие стратегические центры вы имеете в виду?

— Вообще центральные крупные города, прежде всего Москву и Ленинград, столицы. Ситуация в общем была не так далека от той, которая описана у Ленина в его статье об Учредительном собрании. Были опубликованы результаты выборов в уже разогнанное Учредительное собрание. За большевиков проголосовали всего 20 с чем-то процентов... И вот Ленин пишет, что дело не в 20%. Если эти 20% — Москва, Ленинград и часть армии, то проблем нет, потому что остальные 80% просто не мобилизуются, они не могут определять события в центре. И в 1991 году было приблизительно то же самое. Консенсуса в обществе не было. Его не было даже в так называемом демократическом

лагере, который в период с августа по декабрь еще толком не знал, чего он хочет, не знал, например, хочет ли он разрушить Советский Союз. Там царили самые странные и противоречивые импульсы и движения.

Таким образом, к власти в 1991 году пришло меньшинство. И, естественно, не демократическим, не правовым путем (выборы 1991 года были демократическими, но они не дали власти, власть была взята Беловежскими соглашениями). Но когда меньшинство приходит к власти, причем ценой разрушения государства (я не вношу сюда никаких оценочных моментов), это меньшинство сразу же оказывается в ситуации, при которой уйти ему уже трудно, потому что оппозиция сразу же заявит: вы разрушили государство, вы предатели. В случае утраты власти перед меньшинством возникает реальная угроза преследований. Единственный из трех людей в Беловежье, который имел народный мандат, — это Кравчук. Он имел мандат от народа, полученный на референдуме, и он же оказался единственным, кто ушел, смог уйти из власти.

Но у Ельцина и его соратников не оставалось иного пути, кроме как создать систему, позволяющую держаться у власти до бесконечности. Но каждый раз, когда такая правящая группа предпринимает очередные шаги по своему закреплению у власти, она тем самым загоняет себя во все более и более узкий коридор, из которого уйти уже просто невозможно. Предположим, Ельцин мог еще как-то уйти, оговорив себе некие гарантии, до разгона народных депутатов в 1993 году. Но после того как в Москве появились танки, после грабительской приватизации и экономического хаоса, в который погрузилась страна, эта возможность исчезла. Иначе — суд и тюрьма. Поэтому никакой альтернативы уже не оставалось, кроме как закрепляться у власти.

Вопрос в том, как это сделать. Можно объявить себя диктатором, опираясь на военную силу. Но для этого надо иметь преданную тебе армию. Может быть большевистский вариант. Но тогда нужна партийная организация и некая идеология. Но и этого у Ельцина не было. Значит, единственный возможный для него путь — это создание системы, при которой существуют какие-то голосования и какие-то выборы, но они устроены так, что в них всегда побеждает только он или назначенный им преемник.

Такая задача в других странах была бы просто неразрешима. Но у нас с ней справились. Конечно, были подлоги и подтасовки результатов выборов. Но эти методы всегда играют ограниченную роль: считается, что обычно у нас добавляют не более 10% голосов. Удержание власти стало возможным благодаря двум взаимосвязанным факторам. Первый — это культурные, психологические особенности российского общества, которое на протяжении своей истории не знало ни одного случая передачи власти демократическим путем. Было только два эпизода безвластия: Смутное время и гражданская война. Оба были кошмарны. В сознании российского общества живет страх повторения этого ужаса. Страх безвластия — это своего рода коллективный невроз, который способствует тому, что любая власть рассматривается как меньшее зло, чем безвластие, чем перемена власти и связанная с ней опасность хаоса, опасность гражданской войны.

Вторая особенность связана с теперешней реальностью. В обществе отсутствует консенсус. Оно абсолютно не кристаллизовано, в нем нет никаких указаний на то, кто друг, а кто враг. Оно само себя не знает. Помните, какой шок произвело голосование за Жириновского? Это общество, не знающее, чего от самого себя ожидать. Это же напрямую практически использовалось. Обратите внимание, какую роль в предвыборной пропаганде играл жупел гражданской войны. Это бесконечно повторялось, нагнеталось. С одной стороны, это память, с другой — еще и структура настоящего. Это не только ритмы прошлого, но и окружающая реальность. Вот это и создает идеальную ситуацию, при которой народ все-таки предпочитает власть, не важно, какая она.

Угроза хаоса при победе оппозиции действительно существовала. Если власть приходит не правовым путем, оппозиция также оказывается вне правового поля. Правовое поле как таковое разрушается. Каким был лозунг оппозиции? «Банду Ельцина — под

суд!» Но все понимают, что допустить такую оппозицию — это значит неминуемо разжечь гражданскую войну. Кто же захочет добровольно отдать себя под суд? На этой основе вырастает возможность президентского режима, режима сильной власти. Сильная власть — это не значит легитимная и эффективная власть, это значит просто безальтернативная власть, власть, которая развивается по своим внутренним законам. Каковы эти имманентные законы? Изначальный импульс — создать безальтернативность. Но этот импульс начинает распространяться дальше. То есть, скажем, ладно, есть конкретный враг, мы его победили. Но теперь нам надо сделать так, чтобы не возникли новые, надо опасность отслеживать на дальних рубежах. Сейчас мы видим переход от безальтернативного президента к безальтернативному парламенту.

Нынешний президент думает уже не о том, чтобы в очередной раз победить коммунистов. Ему нужно создать такую модель голосования, которая в принципе была бы для него не опасна. Он думает о том, чтобы парламент был полностью подконтрольным, чтобы все его приказы выполнялись. Это нормальное, естественное желание власти добиться порядка и эффективности. Но оно реализуется в уже возникшей системе, по правилам, диктуемым этой системой.

Когда такой режим возникает, он имеет перед собой какую-то определенную социальную структуру, которую ему необходимо себе подчинить. В нашем случае это поздняя советская структура. Какие в данной структуре есть теоретически опасные элементы? Предположим, рабочий класс, колхозное крестьянство. Но они не организованы, в крайнем случае голосуют за коммунистов или за Жириновского. Однако все больше переходят к традиционалистскому голосованию за власть. Есть еще либеральная интеллигенция. Но, с одной стороны, она слишком слаба, с другой — наиболее активная ее часть сама участвовала в приходе Ельцина к власти и вообще ее легко подчинить — дать кому-то посты, награды... Есть номенклатурная советская элита. Номенклатура эпохи позднего Горбачева была расколота. Действительно, кто был за Горбачева, кто — за Ельцина, кто за — ГКЧП. Но приватизация оказалась действенным средством ее сплочения вокруг новой власти. Таким образом, режим подчиняет себе и элиту, и общество в целом, приводит его в какой-то порядок. Ну, так же, как советская власть приводила в соответствующий порядок доставшееся ей общество.

— **Каковы, на ваш взгляд, перспективы такой власти?**

— Власть действительно все больше подчиняет себе общество и структурирует его вокруг задачи самосохранения власти. И это довольно успешно получается, особенно после передачи Ельциным власти преемнику. Второй правитель неминуемо оказывается в выигрыше. Он, с одной стороны, является по определению преемником первого, естественным продолжателем революции, с другой, поскольку первый — разрушитель и создатель хаоса, он является как бы его антагонистом, восстановителем порядка. То есть одновременно и продолжателем, и антагонистом, как Сталин по отношению к Ленину. И, кроме того, просто кончается трансформационный спад, то есть экономика перестает стремительно падать, возникает привычка к новым формам социальной жизни, как в свое время возникла привычка к колхозам. Передача власти невероятно укрепила режим.

Но, тем не менее, возникают новые проблемы, новые вызовы. Приватизация на первых этапах сплачивает элиту вокруг власти, потому что она идет через власть. Но дальше возникает прямо противоположный процесс. Во-первых, все уже более или менее роздано. Остаются мелочи. Теперь, чтобы что-то отдать, нужно у кого-то отнять, а это уже совсем другое дело. Во-вторых, новая буржуазная элита начинает чувствовать, что она на крючке и ее собственность не гарантирована, а ее значимость в обществе несоразмерна ее богатству. И возникает новый тип оппозиции, уже изнутри режима, то есть из социального слоя, который самим режимом создан. Такая оппозиция всегда более опасна. Советская власть была уничтожена не сопротивлением старых слоев, крестьян, «помещиков и капиталистов», старой интеллигенции, а оппозицией, возникшей в ее недрах — в новой советской интеллигенции и в самой номенклатуре.

— **А откуда сейчас вообще может появиться протестная мотивация и какова ее сила?**

— Поскольку все возвращается на круги своя на новом, высшем этапе, мотивация протестная сейчас в принципе такая же, как и мотивация протеста против советской власти. Например, что такое голосование против всех? Это протест против выборов без выбора. По сути, демократическая мотивация. Но, конечно, пока это лишь «предпротест», то есть еще никак идеологически и политически не артикулированный. Может ли он стать достаточно сильным? Сила кого бы то ни было определяется силой того, с чем ты борешься. Советская власть воспринималась как монолит, который просто непоколебим. Но она пала. Сейчас сама конструкция власти неизмеримо более «хлипкая». И я думаю, что теперешний режим не будет так долговечен, как советская власть.

Социальные импульсы, которые возникают в обществе, когда оно развивается, обязательно находят политическое выражение и в конечном счете побеждают. Есть режимы, которые блокируют этот естественный процесс. Вот и наш режим тоже относится к этой категории. Режим Шеварднадзе был таким же. Его мотивация была такая же — не допустить ротацию. Ну и вот что получилось. Такая же ситуация на Украине. Кучма тоже стремится любым путем избежать ротации. Но и у него не получится. Я считаю, что у нас переход этого, пока еще зачаточного, протеста в какие-то политические формы — дело лет 15—20.

— **Но за это время власть лишь укоренится!**

— Она уже укоренилась. Но это своеобразное укоренение. Власть становится внешне всесильной, но на деле — хрупкой структурой. Как в советские времена. Например, в 20-е годы еще были антисоветчики, они даже заговоры устраивали. А в 60-е их вообще не было. Голосование было — 99,9%. И у нас так будет. К этому все идет. Но одновременно развивается повышенная хрупкость, утрачиваются обратные связи, начинаются уже внутри, в самом костяке, те болезненные процессы, которые приводят к этой хрупкости. Смертельная опасность возникает как будто из воздуха. Для разрушения советской власти оказалось достаточно Горбачева. Я не хочу эту модель упрощать и доводить до абсурда, но в принципе логика приблизительно такая. Нынешняя власть, безусловно, будет укрепляться лет 15, и за эти 15 лет будет одновременно возрастать ее хрупкость. Это сроки, за которые уйдет из жизни — во всяком случае, из активной жизни — поколение, при котором произошла революция 1991 года. Придет новое поколение. Каждому поколению — свой кризис.